

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-74-88>.

Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 74–88.

Ancient World and Archaeology. 2021. No. 20. Pp. 74–88.

<https://ama.sgu.ru/ru>

Научная статья

Article

УДК 94(37)|-00|+929 Сулла +929[Лаффи+Инар+Экерт]

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «МИФЕ О СУЛЛЕ» (ПО ПОВОДУ СТАТЬИ АЛЕКСАНДРЫ ЭКЕРТ)

А.В. Короленков, В.К. Хрусталёв

Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26.

Короленков Антон Викторович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, sallust@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3628-2754>.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

Хрусталёв Вячеслав Константинович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, vyacheslav2511@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3174-9028>.

Аннотация: авторы анализируют предложенную Уго Лаффи и Франсуа Инаром концепцию «мифа о Сулле» и ее критику Александрой Экерт. Лаффи относит возникновение образа Суллы как жестокого тирана (т.е. мифа о Сулле) ко времени диктатуры Цезаря, тогда как Инар считает, что это произошло позже, в годы принципата Августа. Однако Экерт доказывает, что Сулла имел репутацию жестокого тирана еще при жизни. Авторы соглашаются с Экерт, внося при этом важные дополнения и поправки в ее аргументацию.

Ключевые слова: поздняя Римская республика, гражданские войны в Риме, Сулла, проскрипции, исторические мифы, историческая память.

Для цитирования: *Короленков А.В., Хрусталёв В.К. О так называемом «мифе о Сулле» (по поводу статьи Александры Экерт) // Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 74–88. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-74-88>.*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

ON THE SO-CALLED “MYTH OF SULLA” (ABOUT THE ARTICLE BY ALEXANDRA ECKERT)

A.V. Korolenkov, V.K. Khrustalyev

State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy per., Moscow,
119049, Russia.

Korolenkov Anton Viktorovich, sallust@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3628-2754>.

Herzen State Pedagogical University, 48 Moika Embankment, St. Petersburg,
191186, Russia.

Khrustalyev Vyacheslav Konstantinovich, vyacheslav2511@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3174-9028>.

Abstract: the authors analyze Ugo Laffi’s and Francois Hinard’s conception of the “myth of Sulla” and its critics by Alexandra Eckert. Laffi attributes the appearance of Sulla’s image as the cruel tyrant (i.e. of the “myth of Sulla”) to Caesar’s dictatorship, while in Hinard’s opinion it happened later, during Augustan principate. However, Eckert argues that Sulla had the reputation of a cruel tyrant even

in his lifetime. The authors agree with Eckert, but make important corrections and additions to her argumentation.

Keywords: Late Roman Republic, civil wars in Rome, Sulla, proscriptions, historical myths, historical memory.

For citation: Korolenkov A.V., Khrustalyev V.K. On the so-called “myth of Sulla” (about the article by Alexandra Eckert). *Ancient World and Archaeology*. 2021. No. 20. Pp. 74–88 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-74-88>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Вопрос о восприятии образа Суллы в античности давно занимает исследователей. В целом ни у кого не вызывает сомнений, что образ этот был весьма непривлекательным, однако по поводу того, как он формировался и каковы были его особенности, споры продолжаются. В 1967 г. Уго Лаффи выпустил статью с характерным названием «Миф о Сулле», в которой высказал идею, будто до прихода к власти образ диктатора был исключительно положительным, а проведенные им преобразования – даже такая одиозная и нарушавшая принципы римского права мера, как исключение из общественной жизни сыновей проскриптов – оставались в силе и после законодательства 70 г.¹ Лишь после 49 г. все изменилось, поскольку «победа Цезаря, [своего рода] анти-Суллы (l’anti-Silla), означала полное торжество враждебной диктатору традиции», в результате чего и сложился миф о нем как об отрицательном герое римской истории².

Идеи У. Лаффи подхватил и развил в своих работах горячий поклонник Луция Корнелия Франсуа Инар. По его мнению, на память современников о Сулле повлияла особая расстановка акцентов, что предотвратило возникновение мифа о нем во времена поздней Республики. Лишь при жизни следующего поколения, т.е. в эпоху Августа, Сулла стал восприниматься как *exemplum* жестокости. Ответственность за проскрипции второго триумvirата пропаганда приписала Антонию, изображая его кровавым тираном; это представление распространилось затем на Суллу как их зачинателя³. Окончательную форму отрицательный образ Суллы приобрел в трудах Сенеки⁴.

Подобный подход справедливо вызвал энергичные возражения у Александры Экерт, чья статья увидела свет совсем недавно, в 2019 г. В целом ее выводы представляются верными, но несколько принципиально важных моментов нуждаются, по нашему мнению, в уточнении. Поэтому сначала мы перескажем основные аргументы немецкой исследовательницы (иногда сопровождая их собственным комментарием), а в заключительной части нашего очерка постараемся дополнить и скорректировать высказанные А. Экерт соображения.

¹ Все даты, относящиеся к древности, – до н.э.

² Laffi U. Il mito di Silla // *Athenaeum*. N.S. 1967. Vol. 45. P. 185–186, 274.

³ Hinard F. La naissance du mythe de Sylla // *REL*. 1984. T. 62. P. 83–85, 93–95.

⁴ Hinard F. *Sullana varia. Aux sources de la première guerre civile romaine*. P., 2008. P. 144.

«Использование Лаффи и Инаром термина “миф о Сулле” вызывает несколько вопросов. Действительно ли античные источники, датируемые временем Поздней Республики, умалчивают о масштабах жестокостей Суллы? Основываются ли представления о Сулле как о жестоком тиране только на том, что он первым ввел проскрипции? Мог ли образ Суллы как жестокого тирана возникнуть без “исторических случайности”, таких, как победа Цезаря в гражданской войне, проскрипции 43 г. или превращение Октавиана в Августа?»⁵.

Как показывает анализ сочинений Цицерона, резонно полагает А. Экерт, уже при жизни Суллы и в первые десятилетия после его смерти господствовало отрицательное представление о многих мероприятиях диктатора. Самое раннее свидетельство этого, разумеется, речь «В защиту Росция Америкского», в которой Цицерон открыто осуждает проскрипции и прозрачно намекает на то, что Сулла силой захватил власть в государстве. У. Лаффи не отрицает, что оратор нелестно высказывался о проскрипциях, но при этом утверждает, будто «Цицерон четко отделяет ответственность Суллы от ответственности Хрисогона и его сообщников», а сулланские реформы государственного устройства оратор якобы оценивает положительно⁶. Очевидно, итальянский ученый слишком буквально воспринял по необходимости осторожные высказывания Цицерона в адрес Суллы, упуская из виду § 154, где оратор описывает ужасающее воздействие проскрипций на римское общество и призывает судей изгнать из государства *crudelitas*, от которой страдает римский народ. И хотя виновник этой жестокости не назван, присутствующие прекрасно знали, о ком речь⁷. По той же причине более чем странно звучат рассуждения Ф. Инара о том, что Цицерон говорил о *crudelitas* Суллы только в контексте публичных аукционов, на которых распродалось конфискованное у проскриптов имущество, и что это слово было лишь синонимом «алчности» (*avaritia*). При этом он ссылается среди прочего на Off. II.27, где упоминается такой аукцион⁸. Однако А. Экерт отмечает, что в Off. II.29 налицо более чем красноречивая иллюстрация истинного характера сулловой *crudelitas* – копье, которое водружали при продаже имущества проскриптов, названо окровавленным (*hasta illa cruenta*), причем гражданские войны противопоставляются временам, когда «держава римского народа зиждилась на благодеяниях, а не на беззакониях (*verum tamen quam diu imperium populi Romani beneficiis tenebatur, non iniuriis*) и римские магистраты и полководцы защищали провинции и союзников (*magistratus imperatoresque ex hac una re maximam laudem capere studebant, si provincias, si socios aequitate et fide defendissent*)» (Off. II.26. Пер. В.О. Горенштейна с уточнением). Таким образом, «*crudelitas* Суллы контрастирует с милосердным обращением

⁵ Eckert A. Reconsidering the Sulla Myth // Sulla: Politics and Reception / A. Eckert, A. Thein (eds.). Berlin; Boston, 2019. P. 160.

⁶ Laffi U. Op. cit. P. 261–263.

⁷ Eckert A. Op. cit. P. 161–162.

⁸ Hinard F. Sullana varia. P. 134–135.

Рима с иноземными подданными и являет собой недвусмысленную отсылку к актам физического насилия, которыми ознаменовалась его победа в гражданской войне»⁹.

Еще один характерный пример. В 63 г. Цицерон выступил против того, чтобы считать ветеранов Суллы законными владельцами земли, которую тот им дал, и напомнил о продаже Суллой имущества проскриптов (без соответствующего приговора суда!) как военной добычи – *praeda* (Leg. agr. II.56; 69–70), а в третьей речи против проекта Рулла (§ 5) порицается закон Л. Валерия Флакка о диктатуре Суллы, которого Цицерон в этом месте прямо называет тираном (*hic rei publicae tyrannum lege constituit*). Ф. Инар и здесь пытается отрицать очевидное, утверждая, будто слово «тиран» в данном случае подразумевает не жестокость и насилие, а огромные полномочия Суллы, который якобы предстает в качестве «законного тирана»¹⁰. Однако многие слушатели Цицерона прекрасно знали об обстоятельствах проведения закона о полномочиях Суллы, а также о том, что этот закон ратифицировал любые действия Суллы, в том числе убийство граждан без суда. Недаром Цицерон (loc. cit.) называет его несправедливейшим (*omnium legum iniquissimam*) и ненавистным (*invidiosa lex*)¹¹.

В сочинении «О пределах добра и зла» (III.75) Сулле устами участника диалога Катона Младшего приписываются три пагубных порока (*tria pestifera vitia*), свойственных тиранам: разнузданность, алчность и жестокость (*luxuriae, avaritiae, crudelitatis magister*); если вспомнить упомянутый выше пассаж из речи против законопроекта Рулла (III.5), как кажется, можно достаточно уверенно утверждать, что Цицерон считал Суллу жестоким тираном¹². Однако Ф. Инар не хочет видеть связи между двумя этими пассажами, поскольку они содержатся в сочинениях разных жанров, а также отделены друг от друга двумя десятилетиями и принадлежат поэтому к различному историческому контексту. К тому же, подчеркивает Ф. Инар, неясно, выражает ли цicerоновский Катон мнение самого Катона или точку зрения автора диалога¹³. Однако проблемы здесь нет, поскольку тираном Суллу счи-

⁹ Eckert A. Op. cit. P. 162–163.

¹⁰ Hinard F. La naissance... P. 84–85. Примечательно в этом смысле мнение М. Хозе, согласно которому почти во всех случаях, когда Аппиан именует Суллу тираном (BC. I.3.10; 79.361; 99.461–462), речь идет просто о царской власти, к которой Аппиан относится положительно; исключение составляет I.79.361, но и здесь нет уверенности, имеется ли в виду царская власть или тирания в традиционном смысле (Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 267–268 + Anm. 7). Однако настойчивое повторение термина τύραννος, который во времена Аппиана уже имел ярко выраженные отрицательные коннотации, вряд ли случайно.

¹¹ Eckert A. Op. cit. P. 163–164.

¹² Идея эта восходит к недоступной нам работе С. Ланчотти (*Lanciotti S. Silla e la tipologia del tiranno nella letteratura latina repubblicana // Quaderni di storia. 1977. Vol. 6. P. 129–153; 1978. Vol. 8. P. 191–225*).

¹³ Hinard F. La naissance... P. 84–85.

тали и тот, и другой¹⁴, да и вряд ли Цицерон стал бы приписывать Катону взгляды, которых тот не разделял; кроме того, словоупотребление Цицерона, четко отделяющего здесь *avaritia* от *crudelitas*, лишний раз показывает, что вторая не могла быть синонимом первой (см. выше)¹⁵. Вопрос о различии жанров и большой временной дистанции между двумя сочинениями А. Экерт оставила без ответа. Такое решение представляется в целом справедливым ввиду совершенной неубедительности подобных аргументов (хотя, конечно, оговорить это все же следовало).

По мнению Ф. Инара, авторы эпохи поздней Республики не связывали имя Суллы с крайней жестокостью и такими актами насилия, как пытки и изувечение. Они не упоминают даже печально знаменитую бойню на *Villa Publica* после битвы у Колинских ворот¹⁶. А. Экерт возражает на это следующим образом: если письма Саллюстия Цезарю аутентичны, у нас на руках есть как минимум одно сообщение о резне на *Villa Publica*, относящееся ко времени Республики (I.4.1). Цицерон говорит о головах проскриптов, выставленных у фонтана на Форуме и у Сервилиева пруда, сравнивая истребление судебных ораторов в то время с бойней при Каннах и Тразименском озере и тем самым изображая Суллу, виновника всего этого, новым Ганнибалом (Cic. Rosc. Am. 89)¹⁷. Говоря о том, что Сулла отомстил за жестокости, совершенные Марием и Цинной (Cat. III.24), оратор не забывает напомнить о множестве жертв и бедствиях, которые выпали при этом на долю *res publica* (*ultus est huius victoriae crudelitatem postea Sulla: ne dici quidem opus est quanta deminutione civium et quanta calamitate rei publicae*). Наконец, в «Наставлении по соисканию консульства» (§ 10), которое А. Экерт склонна датировать 60-ми гг., подробно рассказывается о та-

¹⁴ А. Экерт напоминает об эпизоде, когда юный Катон заговорил о тираноубийстве, увидев головы казненных Суллой (Plut. Cato Min. 2.6–8; Eckert A. Op. cit. P. 165). Можно добавить и пассаж из этого же источника о том, что Катон изымал у участников проскрипций деньги за убийства «к радости всех граждан, считавших, что вместе с убийцами искореняется тирания минувшего времени и что они собственными глазами видят, как несет наказание сам Сулла (ἡδομέων πάντων καὶ νομιζόντων συνεξαλείφεσθαι τὴν τότε τυραννίδα καὶ Σύλλαν αὐτὸν ἐφορᾶν κολαζόμενον)» (Plut. Cato Min. 17.5–7. Пер. С.П. Маркиша). Конечно, перед нами трактовка Плутарха, однако она вполне соответствует образу Катона в *De finibus*.

¹⁵ Eckert A. Op. cit. P. 163–165.

¹⁶ Hinard F. La naissance... P. 86; *idem*. Sullana varia. P. 134.

¹⁷ В своих речах Цицерон обычно упоминает Ганнибала в качестве примера классического и наиболее полного воплощения врага Римского государства, иногда специально подчеркивая его жестокость (Phil. XIV.9: *immanis*), а также сравнивает с ним дурных и злонамеренных граждан (Г. Верреса и М. Антония). См. об этом: Хрусталёв В.К. К вопросу об использовании иностранных исторических примеров (*exempla*) в судебных и политических речах Цицерона // АМА. 2019. Вып. 19. С. 115.

ком известном случае сулланских зверств, как расправа с Марием Гратидианом¹⁸.

Следует отметить, что письмо Саллюстия Цезарю, коль скоро нет уверенности в его аутентичности (и тем самым принадлежности республиканской эпохе), как источник использоваться не может. В то же время А. Экерт вполне справедливо отказалась следовать подразумеваемому Ф. Инаром требованию, чтобы то или иное злодеяние сулланцев непосредственно увязывалось с именем их предводителя: например, Цицерон прямо не говорил, по чьему распоряжению были убиты те, чьи головы были выставлены у Сервилиева пруда, но вряд ли у кого-то из слушателей и первых читателей речи «В защиту Росция Америкского» имелись сомнения по поводу причастности диктатора к жестокостям проскрипций. Добавим, что если говорить о тирании, то здесь уже, несмотря на декларируемое почтение к Сулле, присутствует не только сравнение его с Юпитером, но и прямо говорится, что он единолично правит в *res publica* (*Sullam, cum solus rem publicam regeret orbemque terrarum gubernaret*) – глагол *regere*, недвусмысленно отсылающий к ненавистному для нобилитета слову *rex*, более чем выразителен¹⁹.

Таким образом, напрашиваются следующие выводы. Сомнителен исходный тезис Ф. Инара, рассуждающего о том, связывалось ли имя Суллы в эпоху Республики с актами крайней жестокости – до нас не дошла основная часть сочинений этого периода, в которых шла речь о событиях 80-х гг. Во всяком случае точно известно, что садистское умерщвление Мария Гратидиана описывалось в «Истории» Саллюстия (I.44)²⁰. Можно не сомневаться, что говорилось там и о резне на *Villa Publica*, и вряд ли Саллюстий умолчал, по чьему приказу она была устроена. Кроме того, убийство Мария Гратидиана неоднократно упоминает Цицерон в своей речи «В белой тоге», произнесенной в июле 64 г. (Tog. sand. Fr. 5,14,15 St). Оратор обвиняет в этом преступлении Катилину, но при этом рассказывает, как тот нес отрубленную голову Гратидиана через весь город, чтобы предьявить ее Сулле (Tog. sand. Fr. 15 St). Неизвестно, говорил ли Цицерон, что Гратидиан был убит именно по личному приказу диктатора (скорее всего нет); однако сам факт упоминания имени Суллы в связи с этим злодеянием, как кажется, свидетельствует против тезиса Ф. Инара. Но даже дошедшие до нас источники республиканского периода содержат вполне недвусмысленные указания на то, что репутация диктатора еще в 49 г. в глазах многих была далека от положительной. Высказывания Цицерона можно дополнить данными «Истории» Саллюстия, на которых Ф. Инар не считает нужным «долго задерживаться» (!)²¹. Между тем

¹⁸ Eckert A. Op. cit. P. 165–167.

¹⁹ См. *Buchheit V. Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria // Historia. 1975. Bd. 24. S. 587–589.*

²⁰ *Syme R. Sallust. Berkeley; Los Angeles; London, 1964. P. 180.* Ссылки на «Историю» Саллюстия даются по изданию Б. Мауренбрехера.

²¹ *Hinard F. La naissance... P. 91.*

устами Лепида Саллюстий прямо говорит и о тирании Суллы (Hist. I.55.7: *pu-dorem tyrannidis Sullae*), называет его тираном, причем именно греческим словом (*tyrannum*), говорит и о его жестокости (*crudelior, quom plerosque secundae res in miserationem ex ira vortunt*)²². Макр заявляет (Hist. III.48.9), что Сулла преступным образом поработил римлян (*scelestum imposuerat servitium*), что очевидно также подразумевает тиранию; указывается и на его жестокость²³. У. Лаффи пишет о переработке речей Лепида и Макра Саллюстием²⁴, т.е. соответствующие пассажи можно отнести уже ко времени после смерти Цезаря. Однако критика диктатора занимает слишком важное место в обеих речах, чтобы быть просто выдумкой Саллюстия. Можно спорить о том, говорили ли Лепид и Макр именно так, но не вызывает сомнений, что приписываемые им слова отражают настроения того времени, тем более что они вполне соотносятся с антисулланскими выпадами Цицерона в речи за Росция Америкского. Кроме того, позиция Макра была известна благодаря его историческому труду – вполне возможно, что отсылки к эпохе борьбы патрициев и плебеев являются его отголосками²⁵. Поэтому маловероятно, что обработка Саллюстием речи Макра коснулась ее принципиальных положений²⁶. Ф. Инар, отказываясь обсуждать упомянутые пассажи Саллюстия, ссылается на У. Лаффи, но при этом считает, что обличение жестокости Суллы у Саллюстия есть не результат обработки последним речей Лепида и Макра, а отражение пропаганды еще более раннего времени²⁷. Т.е. речь идет, таким образом, не только о хронологическом несоответствии (оно очевидно и при принятии точки зрения У. Лаффи, учитывая, что «История» писалась до 35 г.), но и о том, что Саллюстий отражал не только личную точку зрения. Как это согласуется с представлениями Ф. Инара о возникновении «мифа» о кровожадном диктаторе лишь при Августе, остается только гадать.

²² Тут же, в Hist. I.55.5–6, перечисляются акты жестокости Суллы – убийства, казни, лишение прав детей проскриптов.

²³ Правда, указывается (Hist. III.48.9), что Катул еще более свиреп (*longe saevior Catulus*), но это не отменяет признания жестокости самого Суллы.

²⁴ *Laffi U. Op. cit. P. 258.*

²⁵ Еще со времен Т. Моммзена распространена точка зрения, что Макр в своем труде занимал проплебейскую позицию, и вполне вероятно, что благоприятные для плебеев пассажи у Ливия и Дионисия Галикарнасского восходят к нему (см. *Oakley S.P. C. Licinius Macer // The Fragments of the Roman Historians / T.J. Cornell (ed.). Oxf., 2013. P. 328 с библиографией*).

²⁶ Ю.Б. Циркин в связи с этим указывает также на марианское прошлое Макра в качестве монетария, из-за чего тот оказался «надолго вычеркнут из политической жизни» (Циркин Ю.Б. Стабилизация в Риме в 70 г. до н.э. // *Studia historica. M., 2007. Вып. VII. С. 127. Прим. 14*). Однако последний тезис никак не аргументирован, да и деятельность в качестве монетария, должно-сти отнюдь не высокой, вряд ли стоит преувеличивать (как и резонанс монетной пропаганды); то, что Макр не был проскрибирован, предполагает его осторожную позицию во время последнего этапа гражданской войны, в котором он, скорее всего, не участвовал, почему и смог продолжить карьеру.

²⁷ *Hinard F. La naissance... P. 91.*

Если же говорить о политическом наследии Суллы, то, по мнению У. Лаффи, «сулланская конституция» сохраняла свою силу в течение многих десятилетий, поскольку «главные государственно-правовые реформы (*riforme giuridico-costituzionali*), затрагивавшие сенат, магистратуры (за исключением трибунов), жреческие коллегии, управление провинциями, порядки в Италии, судебную систему, продолжали существовать без изменений и после “революции” 70 г. вплоть до [диктатуры] Цезаря, а некоторые из них и дольше»²⁸. Восстановление прав плебейских трибунов и возвращение всадникам права заседать в судах отнюдь не означали крушения сулланской системы. У. Лаффи отмечает также, что, несмотря на весь ужас и отвращение, которые вызывали воспоминания о проскрипциях, дети и внуки проскриптов по-прежнему оставались исключенными из политической жизни. Это являлось грубейшим нарушением республиканских политических традиций и элементарных норм римской морали, но, очевидно, устраивало правящий класс, так как только Цезарь, достигнув единоличной власти, вернул им права. Цицерон, в молодости требовавший отмены соответствующего постановления Суллы²⁹, в 63 г., будучи консулом, выступил против предложения восстановить детей и внуков проскрибированных в правах³⁰, считая, что оно угрожает стабильности в государстве. В заключение У. Лаффи ссылается на пассаж Плутарха (Сис. 10.2), где говорится, что многие со временем увидели в сулланских порядках немало полезного. Все это, по его мнению, свидетельствует о позитивном восприятии римским обществом личности Суллы и его реформ, пока при Цезаре не появился миф о жестоком тиране³¹.

А. Экерт признает, что принятые в 70 г. законы о трибунате и судах еще не означали «революции в отношении сулланских реформ». И все же «восстановление прав народных трибунов и изъятие судов из-под безраздельного контроля сената лишало сулланское законодательство двух его важнейших опор, изменяя баланс сил в римской политической системе. Более того, можно предположить, что оппозиция двум этим мерам Суллы отражала мнение большинства в римском обществе» – недаром их отменили в консульство бывших сулланцев Помпея и Красса всего через восемь лет после смерти диктатора. Очевидно, Помпей встретил одобрение, когда объявил на сходке, что собирается предложить закон о правах трибунов. Так или иначе, законы 70 г. стали важной вехой в процессе демонтажа сулланских порядков.

Сопrotивление политическим и государственным актам Суллы началось уже при его жизни. В 80 или 79 г. Цицерон защищал некую

²⁸ Laffi U. Op. cit. P. 185.

²⁹ Сис. Rosc. Am. 153–154. У. Лаффи неточен: на деле Цицерон лишь призывал судей, вынеся Росцию оправдательный приговор, избавить тем самым Рим от *crudelitas*.

³⁰ Речь ‘*De proscriptorum liberis*’ была впоследствии опубликована, но не дошла до нашего времени; см. M. Tullius Cicero. The Fragmentary Speeches / J.W. Crawford (ed. and comm.). Atlanta, 1994. P. 205–211.

³¹ Laffi U. Op. cit. P. 185–187, 211–213.

женщину из Арреция, бросив вызов решению Суллы отнять у италиейцев право римского гражданства. Консул 78 г. Лепид вынашивал планы вернуть землю проскриптам. В 77 и 76 гг. к суду за вымогательство в провинциях были привлечены сулланцы Гн. Корнелий Долабелла (претор 81 г.), другой Гн. Корнелий Долабелла (консул 81 г.) и Г. Антоний (консул 63 г.), причем первый из них был осужден. В 75 г. трибунам вернули право на занятие других должностей, а в 72 г. покупателей имущества проскриптов обязали заплатить прощенные Суллой деньги. В 70 г. произошло восстановление прав трибунов и реформирование судов; был осужден сулланец Г. Веррес. В том же 70 г. вновь провели ценз, в результате *lectio senatus* оказалось изгнано 64 сенатора, в том числе некоторые сулланцы (среди них Лентул Сура и Г. Антоний). Тогда же состоялась амнистия уцелевших проскриптов, проживавших за пределами Италии. В 60-х гг. прошли суды над участниками проскрипций, и некоторые из них (Л. Лусций, Л. Беллиен) были осуждены.

Как современники Суллы, так и потомки при его оценке не отделяли реформатора от жестокого тирана. Больше всего сведений о его кровавых деяниях дошло до нас от периода Империи, но и свидетельства, сохранившиеся от времен Республики, весьма красноречивы. Идея мифа о Сулле, заключает А. Экерт, привлекательна, но сама вполне может оказаться мифом³².

Перейдем теперь к изложению наших собственных соображений по поводу так называемого «мифа о Сулле». Начнем с деталей. А. Экерт оставила без внимания утверждение У. Лаффи. В частности, Цицерон в *Rosc. Am.* 153–154 вовсе не требовал отменить какие бы то ни было постановления, а лишь призывал судей, вынеся оправдательный приговор, избавить тем самым Рим от *crudelitas*. Не является весомым аргументом и ссылка на пассаж Плутарха из *Cic.* 10.2 о поддержке «многими» (τοῖς πολλοῖς) сулланских нововведений, восходит к надежному источнику, подтверждая жизнеспособность сулланских установлений даже во второй половине 60-х гг.³³ Даже если это свидетельство и надежно, оно может отражать точку зрения лишь узкого круга заинтересованных лиц. К тому же налицо, мягко говоря, недостаточное внимательное отношение Плутарха к историческому контексту – поведав о положительном отношении «многих» к сулланским порядкам, писатель сетует, что иные своекорыстные люди захотели изменить существующее положение дел, после чего заходит речь о Катилине (*Plut. Cic.* 10.2–3). Однако совершенно очевидно, что Катилина, сам бывший сулланец, не выступал против сулланских порядков как таковых.

Намного важнее, впрочем, другое. Похоже, А. Экерт воспринимает римское общество 70-х гг. как арену борьбы между сулланской и анти-сулланской «партиями» и многие конфликтные ситуации – например, осуждение Долабеллы или Верреса – рассматривает именно с этой точки зрения. Однако у нас нет доказательств, что сулланское прош-

³² *Eckert A. Op. cit.* P. 168–172.

³³ *Laffi U. Op. cit.* P. 187.

лое сыграло какую-то роль в вынесении этим лицам обвинительных приговоров, да и считать перебежчика Верреса³⁴ сулланцем возможно лишь с очень большой натяжкой. С большей вероятностью мы можем подозревать антисулланскую подоплеку у изгнания из сената Лентула Суры и Г. Антония. Однако А. Экерт напрасно называет обоих *well-known followers of Sulla*³⁵, создавая впечатление, будто речь идет о видных сулланцах. В действительности же оба известны, прежде всего, не слишком солидным для нобилей поведением: первый – шутовской выходкой в сенате, когда у него потребовали финансового отчета (Plut. Cic. 17.2–4), второй – тем, что, подобно обычному вознице, управлял квадригой во время *ludi Victoriae Sullanae*³⁶. Неудивительно, что именно таких «несерьезных» людей выбрали цензоры для демонстрации своей строгости, невзирая даже на консульский ранг Лентула.

Отдельно следует сказать о таком важном для Ф. Инара аргументе, как искажение образа Суллы под влиянием образа Антония. В центре аргументации французского автора находится сходство рассказов античных писателей об отрубленных головах проскриптов, зрелищем которых будто бы Сулла и Антоний наслаждались даже у себя дома³⁷. Однако нет никаких веских доводов в пользу того, что первый изображается в источниках под влиянием образа второго – вполне вероятно и обратное; другое дело, что такая возможность Ф. Инара не устраивает и потому им даже не обсуждается. Между тем упущен известный рассказ Валерия Максима (IX.2.2) о Марии, который будто бы выставил на пиршественном столе голову М. Антония Оратора; если верить Аппиану (BC. IV.20.81), Антоний-триумвир так же поступил с головой Цицерона³⁸. Возникает впечатление, что Ф. Инар намеренно умалчивает об этом эпизоде, поскольку он позволяет сделать «неудобный» для него вывод, будто и образ Мария тоже претерпел искажения под влиянием образа Антония. В действительности же, конечно, ни с Марием, ни с Суллой это далеко не очевидно³⁹.

³⁴ Красочный рассказ о переходе Верреса на сторону Суллы см. у Цицерона: Verr. II.1.11, 34–40.

³⁵ Eckert A. Op. cit. P. 169.

³⁶ Ascon. 88 C. Цицерон недвусмысленно осуждает поведение Антония (*Tog. cand.* Fr. 22 Cr; Klebs E. Antonius (19) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 2577). Дж. Льюис даже считает этот факт вымышленным (вряд ли основательно) (*Lewis R.G. Commentary on In toga candida // Asconius Peditanus. Commentaries on Speeches of Cicero / R.G. Lewis (trans. and comm.). Oxf., 2006. P. 197*), очевидно, полагая такое поведение совершенно неприемлемым для нобилей.

³⁷ Val. Max. IX.2.1 (Суллы); Sen. Suas. VI.7; App. BC. IV.20.81 (Антоний); Hinard F. La naissance... P. 94–95.

³⁸ Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung / P. Groebe (hrsg.). Leipzig, 1929. 2. Aufl. Bd. VI. S. 328. Anm. 4.

³⁹ К этому можно добавить, что Ф. Инар приписывает «приоритет» в деле выставления на роствах голов убитых марианцам (*Hinard F. La male mort. Exécutions et statut du corps au moment de la première proscription // Du châtiment dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde de Rome (9–11 novembre 1982). Rome, 1984. P. 301*), игно-

Дискуссия по поводу «мифа о Сулле» вообще представляется в известном смысле недоразумением. У. Лаффи сам признает, что уже в 70-х гг. позиция нобилей в отношении Суллы и его наследия отнюдь не была единой⁴⁰. Однако это, в сущности, элементарное, но справедливое наблюдение не легло в основу его дальнейших рассуждений – по-видимому, итальянский ученый без должных оснований счел антисулланские настроения маргинальными. То, что сулланские порядки в какой-то части сохранялись и после 70 г., говорит не о принятии их большинством, а лишь о перевесе тех, кто не считал нужным их отменить. Многие могли относиться к ним лишь как к наименьшему злу, как то мы видим на примере Цицерона, лично не заинтересованного в их сохранении, но опасавшегося за стабильность в государстве. Еще более очевидно желание ряда политиков отменить многие сулланские нововведения, что и произошло в 70 г. Иными словами, в сознании римлян, живших в последние десятилетия Республики, сосуществовали разные образы Суллы, и не вполне понятно, почему именно его образ как жестокого тирана У. Лаффи характеризует как «миф», т.е. нечто вроде «черной легенды», хотя факты неоспоримо свидетельствуют, что это отнюдь не миф и не легенда, а констатация очевидного. Зато не вызывает удивления, что Ф. Инар, который порой не останавливается перед произвольным обращением с источниками, чтобы оправдать диктатора и очернить его врагов, довел эту сомнительную идею до абсурда, без должных оснований упирая на неупотребление в республиканских текстах по отношению к Сулле слова «тиран». Подобные манипуляции со словами, рассуждения о положительном образе Суллы, якобы существовавшем в доавгустовы времена, оспаривание любых неудобных для репутации его героя свидетельств, как кажется, больше отражают личные пристрастия Ф. Инара, нежели его приверженность научному подходу.

Но вернемся к реформам 70 г., которые, по мнению У. Лаффи (и не только его⁴¹), не означали крушения «сулланской конституции». А. Экерт, как уже говорилось, признает, что восстановление прав трибунов и отмена сенатской монополии на места в постоянных судебных комиссиях не означали «революции в отношении сулланских реформ». Но что же можно было бы считать таковой? Ведь ясно, что наибольшее значение имели те мероприятия, которые более всего изменяли предшествующие порядки, а это были именно законы о правах трибунов и о судах. Ссылки на то, что законодательство 70 г. не столь уж много изменило в сулланской системе, ничего не доказы-

рируя сообщение Веллея Патеркула (II.19.1) о том, что еще в 88 г. на рострах была выставлена голова убитого по инициативе Суллы плебейского трибуна П. Сульпиция.

⁴⁰ *Laffi U. Op. cit.* P. 263.

⁴¹ См. прежде всего, конечно, монографию Э.С. Груэна: *Gruen E.S. The Last Generation of the Roman Republic.* Los Angeles; Berkeley; London, 1974. P. 23–46.

вают – это означает лишь то, что Сулла придавал упомянутым мерам большее значение, чем они того заслуживали, и борьба оппозиции, например, за права трибунов (не только открытая, но и закулисная), скорее подрывала, нежели укрепляла стабильность постсулланского режима. Рассуждения У. Лаффи о том, что судебная система продолжала действовать после 70 г. так же, как и сразу после реформ диктатора, верны лишь в отношении судебной процедуры. Однако замещение двух третей мест присяжных всадниками и эрарными трибунами имело немалое символическое значение (особенно если учесть, что первым удалил сенаторов из судебных комиссий ненавистный консерваторам «смутьян» Гай Гракх); во всяком случае нет никаких сомнений, что сам Сулла счел бы такую меру ударом по одной из главных опор своей системы. Утверждение же, будто события 70 г. не изменили установленных им в Италии порядков, и вовсе не соответствует действительности, ибо, как справедливо указывает Ф. Сантанджело, проведенный в 70–69 гг. ценз был «крупнейшим событием политического и институционального характера и поворотным пунктом в отношениях между Римом и Италией»⁴²; само по себе удвоение числа римских граждан за счет италийцев на фоне усилий Суллы по отказу в гражданстве жителям Арреция, Волатерр и других городов⁴³ уже говорит о многом, знаменуя собой переход количества в качество.

Стоит упомянуть и вопрос о лишении прав детей проскриптов, которому У. Лаффи придает такое важное значение. Совершенно очевидно, что главный смысл этой меры заключался в том, чтобы лишить потомков проскрибированных возможности вернуть свое имущество, т.е. в конечном счете – закрепить его за новыми собственниками; таким образом, она не имела прямого отношения к самой «сулланской конституции». Другое дело, что эта мера в некоторой мере укрепляла социальную базу нового режима, так как далеко не все эти новые собственники были сулланцами.

Таким образом, нам представляется, что рассматриваемая дискуссия во многом пошла по ошибочному пути. А. Экерт, в целом достаточно убедительно возражая У. Лаффи и Ф. Инару, напрасно полностью приняла предложенные этими авторами «правила игры», так как заданное ими направление поиска представляется само по себе не

⁴² Santangelo F. Roman Politics in the 70s B.C.: a Story of Realignments? // JRS. 2014. Vol. 104. P. 14.

⁴³ Cic. Caec. 97; Dom. 79; Santangelo F. Op. cit. P. 16. Правда, Ф. Сантанджело считает, что вопрос о гражданских правах арретинцев не был решен и тогда, когда Цицерон произносил речь «За Цецину». Если принять традиционную датировку (69 г.: Frier B.W. Urban Praetors and Rural Violence: The Legal Background of Cicero's *Pro Caecina* // TAPhA. 1983. Vol. 113. P. 221–241 с библиографией; обосновывается и датировка речи периодом не позднее 71 г.: Stroh W. Taxis und Taktik: Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden. Stuttgart, 1975. S. 100 + Anm. 60 с библиографией), вполне возможно, что речь была произнесена до завершения переписи, начавшейся в 70 г. и, учитывая огромное число новых граждан, наверняка занявшей больше времени, чем обычно.

вполне корректным. Не вызывает сомнений, что в общественном мнении с самого начала сосуществовали несколько образов Суллы. В первые десятилетия после смерти Суллы в живых оставалось немало людей, хорошо его знавших; естественно, кто-то из них выиграл, а кто-то пострадал от его действий, поэтому и отношение к нему было разным. Разумеется, можно предположить, что в публичном дискурсе доминировала какая-то одна точка зрения (например, образ «хорошего» Суллы), но ни У. Лаффи, ни Ф. Инару не удалось этого доказать. Напротив, позднереспубликанские источники (прежде всего, конечно, Цицерон) демонстрируют, что публичная оценка личности Суллы и его деяний была по меньшей мере неоднозначной. Кроме того, думается, что А. Экерт, признавая важность законов 70 г., все же недооценила их значение как подрывавших «сулланскую конституцию»⁴⁴. Тем не менее в целом ее соображения заслуживают высокой оценки, так как автор привлекла внимание ученых к выкладкам У. Лаффи и Ф. Инара по поводу образа Суллы, до сих пор не подвергавшимся детальному разбору. Подобный разбор не только полезен сам по себе, но и выводит на обсуждение более важных вопросов, связанных с сулланской проблематикой – в частности, о сосуществовании в одно и то же время разных образов Суллы и их возможном взаимодействии.

Литература

- Моммзен Т.* История Рима. Т. III. СПб., 1995.
- Хрусталёв В.К.* К вопросу об использовании иностранных исторических примеров (exempla) в судебных и политических речах Цицерона // АМА. 2019. Вып. 19. С. 102–118.
- Циркин Ю.Б.* Стабилизация в Риме в 70 г. до н.э. // *Studia historica*. М., 2007. Вып. VII. С. 123–141.
- Buchheit V.* Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria // *Historia*. 1975. Bd. 24. S. 570–591.
- Drummann W.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung / P. Groebe (hrsg.). Leipzig, 1929. 2. Aufl. Bd. VI.
- Eckert A.* Reconsidering the Sulla Myth // *Sulla: Politics and Reception* / A. Eckert, A. Thein (eds.). Berlin; Boston, 2019. P. 159–172.
- Frier B.W.* Urban Praetors and Rural Violence: The Legal Background of Cicero's Pro Caecina // *TAPhA*. 1983. Vol. 113. P. 221–241.
- Gruen E.S.* The Last Generation of the Roman Republic. Los Angeles; Berkeley; L., 1974.
- Hinard F.* La male mort. Exécutions et statut du corps au moment de la première proscription // *Du châtimeut dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde de Rome (9–11 novembre 1982)*. Rome, 1984. P. 295–311.
- Hinard F.* La naissance du mythe de Sylla // *REL*. 1984. T. 62. P. 81–97.
- Hinard F.* Sullana varia. Aux sources de la première guerre civile romaine. P., 2008.
- Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994.

⁴⁴ Между тем эту точку зрения обосновывал еще Т. Моммзен, хотя и значительно преувеличивая отрицательные стороны законодательства 70 г. (см. *Моммзен Т.* История Рима. Т. III. СПб., 1995. С. 70–71).

- Klebs E.* Antonius (19) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 2577–2582.
- Laffi U.* Il mito di Silla // *Athenaeum*. N.S. 1967. Vol. 45. P. 177–213, 255–277.
- Lanciotti S.* Silla e la tipologia del tiranno nella letteratura latina repubblicana // *Quaderni di storia*. 1977. Vol. 6. P. 129–153; 1978. Vol. 8. P. 191–225 (non vidimus).
- Lewis R.G.* Commentary on *In toga candida* // *Asconius Pedianus*. Commentaries on Speeches of Cicero / R.G. Lewis (trans. and comm.). Oxf., 2006.
- M. Tullius Cicero.* The Fragmentary Speeches / J.W. Crawford (ed. and comm.). Atlanta, 1994.
- Oakley S.P.* C. Licinius Macer // The Fragments of the Roman Historians / T.J. Cornell (ed.). Oxf., 2013. P. 320–331.
- Santangelo F.* Roman Politics in the 70s B.C.: a Story of Realignment? // *JRS*. 2014. Vol. 104. P. 1–27.
- Stroh W.* Taxis und Taktik: Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden. Stuttgart, 1975.
- Syme R.* Sallust. Berkeley; Los Angeles; London, 1964.

References

- Buchheit V.* Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria // *Historia*. 1975. Bd. 24. S. 570–591.
- Drumann W.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung / P. Groebe (hrsg.). Leipzig, 1929. 2. Aufl. Bd. VI.
- Eckert A.* Reconsidering the Sulla Myth // *Sulla: Politics and Reception* / A. Eckert, A. Thein (eds.). Berlin; Boston, 2019. P. 159–172.
- Frier B.W.* Urban Praetors and Rural Violence: The Legal Background of Cicero's Pro Caecina // *TAPhA*. 1983. Vol. 113. P. 221–241.
- Gruen E.S.* The Last Generation of the Roman Republic. Los Angeles; Berkeley; L., 1974.
- Hinard F.* La male mort. Exécutions et statut du corps au moment de la première proscription // *Du châtement dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique*. Table ronde de Rome (9–11 novembre 1982). Rome, 1984. P. 295–311.
- Hinard F.* La naissance du mythe de Sylla // *REL*. 1984. T. 62. P. 81–97.
- Hinard F.* Sullana varia. Aux sources de la première guerre civile romaine. P., 2008.
- Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994.
- Khrustalev V.K.* K voprosu ob ispol'zovanii inostrannykh istoricheskikh primerov (exempla) v sudebnykh i politicheskikh rechakh Tsitserona // *Antichnyy mir i arkheologiya*. 2019. Vol. 19. P. 102–118.
- Klebs E.* Antonius (19) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 2577–2582.
- Laffi U.* Il mito di Silla // *Athenaeum*. N.S. 1967. Vol. 45. P. 177–213, 255–277.
- Lanciotti S.* Silla e la tipologia del tiranno nella letteratura latina repubblicana // *Quaderni di storia*. 1977. Vol. 6. P. 129–153; 1978. Vol. 8. P. 191–225 (non vidimus).
- Lewis R.G.* Commentary on *In toga candida* // *Asconius Pedianus*. Commentaries on Speeches of Cicero / R.G. Lewis (trans. and comm.). Oxf., 2006.
- Mommsen T.* *Istoriya Rima*. Vol. III. St. Petersburg, 1995.
- M. Tullius Cicero.* The Fragmentary Speeches / J.W. Crawford (ed. and comm.). Atlanta, 1994.
- Oakley S.P.* C. Licinius Macer // The Fragments of the Roman Historians / T.J. Cornell (ed.). Oxf., 2013. P. 320–331.

Santangelo F. Roman Politics in the 70s B.C.: a Story of Realignment? // *JRS*. 2014. Vol. 104. P. 1–27.

Stroh W. Taxis und Taktik: Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden. Stuttgart, 1975.

Syme R. Sallust. Berkeley; Los Angeles; London, 1964.

Tsirkin Yu.B. Stabilizatsiya v Rime v 70 g. do n.e // *Studia historica*. Moscow, 2007. Vol. VII. P. 123–141.

Поступила в редакцию / Received 18.05.2021.

Принята к публикации / Accepted 03.10.2021.

Опубликована / Published 25.12.2021.